

地球星人

村田 沙耶香

ЗЕМЛЯНОИДЫ

САЯКА МУРАТА

Перевод Дмитрия Коваленина

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.521
ББК 84(0)6
М91

CHIKYU SEIJIN
by Sayaka Murata

Original Japanese edition published by SHINCHOSHA Publishing Co., Ltd., Tokyo.

Russian language translation rights reserved by Popcorn Books under the license granted by Sayaka Murata arranged with SHINCHOSHA Publishing Co., Ltd. through The English Agency (Japan) Ltd and Anna Jarota Agency.

Мурата, Саяка.

М91 Земляноиды : [роман] / Саяка Мурата ; пер. с яп. Д. Коваленина. — Москва : Popcorn Books, Эксмо, 2025. — 272 с.

ISBN 978-5-6047181-2-4

Нацуки не похожа на других девочек. У неё есть волшебная палочка и зеркало превращения. Она может быть ведьмой или пришельцем с другой планеты. Вместе со своим двоюродным братом Юу Нацуки проводит лето в диких горах Нагано, мечтая о других мирах. Когда ужасная череда событий угрожает разлучить двух детей навсегда, они дают обещание: выжить несмотря ни на что.

Теперь Нацуки выросла. Она ведёт спокойную жизнь со своим мужем и старается выжить, притворяясь нормальной. Но требования семьи Нацуки растут, её друзья недоумевают, почему она до сих пор не беременна, и тёмные тени прошлого преследуют её. Убегая из пригорода в горы своего детства, Нацуки готовится к воссоединению с Юу. Помнит ли он их обещание? И поможет ли сохранить его?

УДК 821.521
ББК 84(0)6

© 2018 Sayaka Murata
All rights reserved.

Cover design © by Luke Bird

Cover photos © AMUSE / Легион-Медиа /

Illia Uriadnikov / Alamy

Author photo © Bungeishunju Ltd

© Д. Коваленин, перевод на русский язык, 2022

© Д. Коваленин, предисловие, 2022

© Издание, оформление.

ISBN 978-5-6047181-2-4

«Издательство Эксмо», 2025. Popcorn Books®

ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН ИЗ ЯПОНСКОЙ «ПЯТЁРОЧКИ»

Предисловие Дмитрия Коваленина

*Попробуй представить, что твой
поступок стал законом природы.*

Иммануил Кант

Мировой успех «Человека-комбини» (2016) — повести, написанной за два года до «Земляноидов», — сыграл с поклонниками творчества Саяки Мураты злую шутку. Едкая повесть-карикатура, гротескная издёвка над Обществом Потребления, столь изящно и скрупулёзно выписанная *с натуры* рядовой продавщицей круглосуточного магазина, привела миллионы читателей по всему миру в экстатический, жизнерадостный восторг.

Нет, сюжетно эти два произведения никак не связаны между собой. Но прежде чем погрузиться в «Земляноидов», очень важно учесть, к каким выводам пришла их создательница к финалу книги предыдущей.

Итак, вспоминаем: героиня «Человека-комбини» с детства не понимает, что такое норма. Никто не отвечает ей на этот вопрос. А её саму все вокруг считают ненормальной. Став студенткой, она устраивается на подработку продавщи-

цей в комбини (японскую «Пятёрочку», по-нашему говоря), где наконец и обнаруживает тот самый Ответ:

Если действовать по чьей-то инструкции, можно хоть всю жизнь успешно изображать «нормального человека» — персонажа, которого на самом деле не существует.

Да, ей уже 36. Она до сих пор не замужем. Но не видит ничего ужасного ни в такой «временной» и бесперспективной работе, ни в своём одиночестве. Сколько бы ни пилили за всё это её же близкие люди — и как бы ни презирали посторонние. Доколе она действует по инструкции, душа её может спокойно спать.

«В каком-то смысле у этой повести счастливый конец, — пишет один из ведущих психиатров Японии, профессор Сатору Сайто. — Кэйко снова начинает работать в комбини. Но не думаю, что это слишком обрадует её читателей. Ведь они замечают: именно её *заикленность на работе* и определяет пустоту её личной жизни».

«Своей книгой Мурата попала в самое яблочко! — который уж год щебечут на всех языках книжные интернет-блогеры и рецензенты гламурных журналов. — Да кто вообще знает, что такое норма? И какого чёрта мы должны ей следовать?»

Чем больше подобных отзывов попадалось мне на глаза, тем в большее недоумение я впадал. А может, люди мира просто не дочитывают эту книгу до конца? Или не желают примерять подобный финал на себя, ибо сами поступили бы по-другому?

— А вы сами, Мурата-сан, как считаете: разве такой финал можно считать хеппи-эндом? — спросил я у автора

напрямую, как только мне предоставилась такая возможность*.

От такого вопроса Мурата-сан тут же понимающе заулыбалась.

— Если смотреть на ситуацию через кинокамеру самой Фурукуры-сан, — ответила она, — то для неё это, конечно, очень крутой хеппи-энд. Но читатель смотрит на эту историю через свою камеру. И некоторые японские читатели говорили о последней сцене так: «Ну вот, она снова пойдёт работать — и в итоге снова превратится в “полезный общественный инструмент”». А другие считают: «Нельзя жить как в голову взбредёт» — и убеждены, что именно такой финал для неё самый счастливый. Есть разное понимание счастья, как и разное прочтение этого финала. Лично мне кажется, правы и те и другие... Смотря что чувствует сам читатель. А может даже, наша личная реакция на подобный финал и отражает наше отношение к жизни в принципе?

Ясно одно: в самой Японии «Человека-комбини» восприняли куда серьёзнее, чем за её пределами. И дело не в том, что японские читатели чувствуют тоньше или знают нечто такое, о чём не догадываются иностранцы. Просто эти иностранцы ещё не читали никаких других её произведений. И пока не знают, что, вообще говоря, считается *нормальным* для вселенной её историй.

* «“Человек-комбини”»: круглый стол автора и её переводчиков (дайджест)». Виртуальный круглый стол, на котором Саяка Мурата встретила сразу с несколькими переводчиками повести «Человек-комбини». Организован японским культурным фондом Japan Foundation 27.05.21. Доступен на Ютубе.

Как не знают они и о том, что приведённая выше цитата профессора Сайто взята из прогремевшего на всю Японию научно-медицинского трактата, в котором на примере героини «Человека-комбини» рассматриваются такие «популярные» ныне психические расстройства, как алекситимия и ангедония*, при которых человек в глазах окружающих начинает выглядеть если не как зомби из ужастика, то уж точно *не от мира сего*.

Но медицине — медицинско, а у литературы задачи пускай и похожие, но свои.

— Я верю, что в часы настоящего творчества писатель не конструирует роман, а идёт вслед за развитием сюжета. Мне остаётся лишь подбирать слова и писать так, как велит душа, — признаётся Саяка Мурата**. — Писать прозу я начала лет в десять. Ещё тогда мне хотелось описывать нашу жизнь так, словно я смотрю на всё глазами инопланетянина. И я обнаружила, что люди — очень странные существа... Например, когда в один ряд стоит много домов, люди с гордостью на-

* Алекситимия (греч. λέξις — «слово», θυμός — «чувства, эмоции») — состояние личности, при котором человек теряет способность к определению и проявлению собственных эмоций, но старается выглядеть нормальным в глазах других. И для этого подавляет в себе любые эмоции вообще. Это спасает его от шока, но подавляет и положительные эмоции: он не может испытывать ни радость, ни воодушевление, его фантазия скукоживается. А уже это состояние называется ангедония (ἀν — отриц. приставка, ἡδονή — «наслаждение») — потеря способности испытывать радость, утрата мотивации к действию, от которого ты раньше получал удовольствие. Развитие ангедонии — важный показатель в диагностике патологической депрессии.

** Sayaka Murata Interview: A Creature In My Own Right. Интервью Саяки Мураты видеоканалу Louisiana Channel, март 2021.

зывают это городом. Но для других животных это всё равно выглядит, к примеру, как вереница человеческих муравейников, то есть, на их взгляд, это всё равно часть матери-природы. Из всех земных созданий только люди отращивают себе длинные волосы на голове, зато бреют волосы на всём остальном теле и носят одежду из тканей. В глазах пришельцев из космоса они, наверное, очень странны — даже в сравнении с кошками или собаками... Есть такая японская писательница Рйэко Мацуура^{*}, во многом я научилась этому взгляду у неё...

Да, теперь, когда мы открываем её «Земляноидов», мы должны быть готовы к тому, что эта повесть будет *ещё экстремальнее*. И, в отличие от «хохмочек» вокруг прилавка в «Комбини», здесь окажется *нормальным* (для троицы основных героев) и проливать чужую кровь, и нарушать все мыслимые и даже немыслимые табу — всё дальше и дальше заползая в ту серую зону, где нарушение осточертевших общественных устоев сливается с нарушениями закона, морали, нравственности и так далее — всех тех *норм*, которые сохраняют в человеке человека.

Да, с точки зрения высоколобых эстетов, «Земляноиды» — книга «малоаппетитная». И улитки не ползают по

^{*} Рйэко Мацуура (松浦 理英子, р. 1958) — японская писательница, автор романов и коротких рассказов. В студенчестве специализировалась на французской литературе, большая поклонница идей Маркиза де Сада и «трубадура парижских трущоб» Жана Жене. В 1994 году награждена премией Юкио Мисимы (1994) за роман «Учебный период Большого П.» (親指Pの修業時代, 1993) — о похождениях женщины, чей большой палец на правой ноге превратился в пенис. Лауреат премии Ёмиури (2007) за роман-фэнтези «Собачье тело» (犬身, 2004), в котором героиня перерождается в собаку, чтобы сожительствовать с любимым псом.

склонам Фудзи, и лягушка не бултыхается в пруд. И погружаться в этот дикий сюжет лучше «на сытую голову»... Но читать почему-то хочется дальше и дальше.

Так почему же? Чем оно всё-таки нас цепляет?

— Я любила размышлять о сути явлений, — словно бы упреждает подобные вопросы Мурата-сан в очередном интервью*. — Например, я не понимала, почему родители меня кормят. Мне объясняли: «Это твоя семья, они тебя любят», но я не могла понять этого до конца... Или, скажем, все эти табу. Убийство — это табу, но почему тогда существуют оправданная самооборона и смертная казнь? Ещё в детстве я понимала всю неоднозначность этой проблемы. Инцест или каннибализм — это тоже табу, и я испытывала к ним физическое отвращение, но никак не могла понять, откуда это отвращение происходит... Без писательства мне пришлось бы нелегко. Каждая книга избавляет меня от частички сковывающих меня предубеждений.

И ведь что характерно: даже при всех её «срываниях табу», на фоне всех душераздирающих сцен никто из *нормальных* читателей в Японии не сомневается, что главное желание Саяки Мураты — оставаться живой и искренней в её борьбе с предубеждениями, с искажёнными представлениями о том, что такое «нормальность», «обычность» и «справедливость». А кто нам сказал, что эти герои положительные? А ну-ка покажите нам того ребёнка, который,

* Кимизэ Итáкура, «Как выжить тем, кто не может превратиться в маленькую ведьму?». Сайт «Nippon.com: Современный взгляд на Японию», 04.09.2021.

добравшись до ТАКОГО финала, захочет этим «героям» подражать!

Да и с чего мы взяли, что эти трое вообще люди, а не те, за кого себя выдают? А может, они и правда пришельцы, которые в гробу нас всех видали, потому что их звездолёт совершил всего лишь *вынужденную* посадку на планете Земля?

В этом, кстати, ещё один из секретов успеха этого «бытового ужастика»: при всей его кажущейся мистичности он потрясающе реалистичен. Духи предков существуют только на кладбище. Да и где же им ещё быть? А мы, люди, вызываем их только по праздникам поминовения усопших — летом, на огненном фестивале Обон. Или вы никогда не жгли Привечальных Огней?.. Да, покойников наших обычно кремируют, но бывают и исключения. Захотел человек быть похороненным — так и быть, выкопают ему яму в земле, пускай покоится там годами, раз ему так хочется, пока от него не останется только дырка, в которую иногда проваливается земля... хотя и не всегда... и не только земля, но и...

Да, эти странные ребята говорят, что они инопланетяне. Но разве никому из нас никогда не казалось, что весь мир — лишь фабрика по производству людей, а он сам — пришелец с другой планеты? Всё, буквально всё в этой повести происходит в *нормальных* рамках узнаваемого, *земляноидного* мира. Для экранизации которого даже никакая компьютерная графика не нужна. Всё, что нужно для такой почти документальной съёмки, под силу *нормальным* театральным бутафорам...

Ещё и поэтому, судорожно дочитав последнюю страницу, мы выдыхаем даже не столько от ужаса происходящего, сколько от страха за то, что всё это и правда могло бы с нами произойти. Да, собственно, в том или ином виде происходит уже прямо сейчас — в нашем обществе, развращённом уютом и потреблением, где мы, «нормальные взрослые», уже настолько лживы, фальшивы и бесчеловечны, что наши собственные дети, не желая становиться нам подобными, готовы или руки на себя наложить, или...

Впрочем, читайте сами.

Вот вам, дети, звёздное небо Акисины, с первой же строчки говорит Саяка Мурата. А нравственный закон внутри вас уж поищите самостоятельно.

Но помните: время не ждёт. И вы сами станете мамами-папами уже очень скоро...

Если захотите, конечно. Кто же вам запретит?

ГЛАВА 1

Меж огромных гор вокруг деревушки Акиси́на*, где живут Дедуля с Бабулей, обрывки ночных теней не рассеиваются даже к полудню.

Мы лавируем по извилинам серпантина. За окном проносятся, качаясь под ветром, деревья — и я всё вглядываюсь в темноту, набухающую под листьями так, словно вот-вот взорвётся. Эта крошечная мгла цвета Космоса не рассасывается никогда. Всю жизнь она завораживает меня — так, что хочется протянуть пальцы и проверить её на ощупь.

На сидении рядом мама разминает спину старшей сестре.

* Акиси́на (яп. 秋級) — название деревни, скорее всего, плод фантазии автора: на картах префектуры Нагано (как и всей Японии) такого топонима нет. Смысл иероглифов можно трактовать как «осенние высоты». *Здесь и далее — прим. перев.*

— Ну? Так лучше, Кисэ? Вечно тебя укачивает на горных дорогах! Особенно здесь, в Нага́но...

Папа, не говоря ни слова, стискивает руль. Он старается вести машину как можно ровней, каждую минуту проверяя самочувствие нашей страдальцы в зеркале заднего вида.

Лично я со своими слабостями научилась справляться сама ещё классе в пятом. Например, поняла: чтобы не укачивало в дороге, лучше вглядываться в обрывки темноты за окном. Это я подметила ещё второклашкой — и с тех пор меня не мутит даже на крутых дорогах Нага́но. Сестрица же моя, даром что на два года старше, без маминой ладошки на спинке не доедет вообще никуда.

Резкий поворот, потом ещё, всё выше и выше... Уши закладывает — и я чувствую, что с каждым виражом становлюсь ближе к небу. К бездонному Космосу, рядом с которым и обитает наша Бабуля.

Я прижимаю к груди рюкзак, на дне которого аккуратно уложены волшебная указка из оригами и косметичка-трансформер с волшебным зеркальцем внутри. А сверху на них сидит Пьют — мой верный друг и соратник, который и подарил мне эти магические орудия. На Пьюте лежит заклятье чёрных сил, и он не может разговаривать по-человечески, но, например, от укачивания защищает меня и без всяких слов.

Хотя никто из домашних об этом не знает, я — ведьма. В шесть лет, ещё первоклашкой*, я встретила Пьюта в ми-

* В японскую школу дети идут с 6 лет. Учебный год начинается в апреле. Летние каникулы — с 20 июля по 1 сентября.

ни-маркете возле станции. Просто увидела, как он сидит на краю полки мягких игрушек — с таким видом, будто его сейчас выкинут, — и тут же купила его на деньги из отосидáмы*. А когда привела его домой, он тут же предложил мне стать ведьмой и передал для этого инструмент. Сам же он прибыл с планеты Попихамбóпия по заданию тамошней Полиции Ведьм, чтобы изучить и предотвратить опасность, нависшую над земляноидами. А теперь ещё и я защищаю нашу планету в звании Младшей Ведьмы.

Единственный, кто знает эту тайну, — мой двоюродный братец Юу**. Скорей бы увидеться с ним! С прошлого года не слышала его голоса. Как жаль, что мы с Юу можем встречаться лишь раз в году, когда приезжаем сюда на Обóн!***

* Отосидáма (*яп.* お年玉, букв. «сокровище года») — карманные деньги, которые дарят детям на Новый год. В древности — синтоистский ритуал подношения новогоднему божеству Тосигáми (年神, японский аналог Деда Мороза) круглых рисовых лепёшек. В новогоднюю ночь эти лепёшки готовят силами местного храма при участии жителей, а затем их ломают на равные части и раздают всем пришедшим.

** Имя Юу (*яп.* 由宇, юу) — как мужское, так и женское — буквально переводится как «космическая причина». По иероглифам отчётливо напоминает перевёртыш термина «открытый космос» (宇宙, утю:), что и использует автор в дальнейшем ходе повествования.

*** Обóн (*яп.* お盆) — японский праздник поминовения усопших. В зависимости от префектуры отмечается в июле или в августе (7 дней 7-го месяца либо по лунному, либо по солнечному календарю) и продолжается до одной недели. Считается, что в самое жаркое время года души предков посещают своих родных, поэтому вся Япония стремится вернуться к своим семейным могилам. Тогда же проводится «Фестиваль фонарей»: у входа в каждое жилище зажигают бумажные фонари, подсказывая «гостям с того света» дорогу к дому; в храмах проводится чтение священных книг, подносятся дары к алтарям, а на главных улицах городов исполняется масовый танец бон-одóри, призванный успокоить души предков.

На мне моя любимая майка — цвета индиго, со звёздами. Я купила её на новогодние деньги специально для этого дня.

— Держитесь крепче! — командует папа. Мы влетаем в самый крутой поворот серпантина, и всё, что в машине, резко заваливается вбок.

— Бу-э-э! — вякает сестрица и зажимает ладонью рот.

— Открой все окна! — требует мама. Папа нажимает кнопку, и стекло перед моими глазами сползает вниз. Свежий, прохладный ветер нежно гладит меня по щекам и наполняет машину запахом листьев.

— Ну как? Ну что? Тебе лучше? — разносятся по салону мамины причитанья. Папа выключает кондиционер. И объявляет:

— Следующий поворот — последний!

Я машинально ощупываю грудь. А ведь ещё год назад этих холмиков не было и в помине...

Значит, даже в четвёртом классе я была не такой, как теперь? С Юу мы одноклассники. Что же он подумает, когда увидит меня в этот раз?

Уже совсем скоро мы приедем к Бабуле. И там меня ждёт мой бойфренд... Кожа по всему телу раскалется, и я подставляю лицо под волны свежего ветра.

* * *

Да, мы с двоюродным братцем Юу — тайные любовники навсегда.

Когда это началось у меня — точно не знаю. Юу нравился мне давно, задолго до того, как стал моим бойфрендом. Лето за летом, справляя вместе Обон, мы становились всё ближе.

И когда праздник заканчивался, мы снова разъезжались по домам — он к себе в Ямагáту, я обратно в Тíбу*, — но ощущение, что он где-то внутри меня, так и не отпускало. Наоборот: *тьнь присутствия Юу* загустевала во мне всё сильнее, и, когда я уже готова была взорваться от желания увидеть его, наступало очередное лето.

Настоящую же клятву верности мы принесли друг другу в третьем классе. Меж рисовых полей протекала речка, на которой наши дядьки сложили запруду из камней — глубиной по колено, чтобы все могли искупаться.

— Ай!

В бурной речке я не удержалась на ногах и шлёпнулась в воду.

— Берегись, На́цуки! Самое сильное течение всегда в середине! — сказал Юу с важным видом, протягивая мне руку. Об этом правиле я, конечно, слышала в школе, но в жизни бы не подумала, что оно касается даже таких мелких речек, как наша.

— Всё! Ненавижу воду! На суше веселей...

По каменным ступенькам я выбралась из воды, отыскала запрятанную меж камней косметичку, нацепила сандалии. Затем поднялась ещё выше на берег — и как была, в купальнике, побрела в сторону дома. Моя косметичка, нагретая лучами солнца, казалась живым существом. Шлёпая по тропинке сандалиями, я услышала, как Юу догоняет меня.

— На́цуки! Погоди...

* Тíба (яп. 千葉) — бывший пригород Токио на побережье Токийского залива. С 1992 года получил статус отдельного города и административного центра префектуры Тiба.

— Отстань! — почему-то закричала я на него, хотя психовать было вроде не с чего.

Догнав меня, Юу нагнулся к траве, нарвал каких-то листьев. А затем сунул один в рот и стал жевать. Увидев это, я всполошилась:

— Юу, ты что? Нельзя это есть! Отравишься!

— Не бойся! Это щавель, он съедобный. Мне дядюшка Тэруёси объяснил.

Он вручил мне листочек. Я с большой опаской надкусила.

— Ух ты... Кисло!

— Кисло, но вкусно.

— И где ты его находишь?

— Да он же повсюду растёт!

Мы побрели вверх по склону к дому, собирая щавель, а потом уселись на солнышке бок о бок и стали его жевать. Мокрый купальник противно лип к телу, но щавель и правда был приятен на вкус. Немного повеселев, я сказала:

— Спасибо, что рассказал... Тогда я тоже открою тебе свою тайну.

— Тайну?

— В общем... На самом деле я — ведьма. Могу менять своё тело с помощью косметички-трансформера. И вызывать магию указкой из оригами.

— Какую магию?

— Самую разную! Но круче всех та, что разит врага наповал.

— Какого врага?

— Ну, видишь ли... Обычный человек, наверно, не замечает, но этот мир населяет очень много врагов. Чёрных

магов, монстров, упырей... А я — земляноид. Моя задача — защищать от них нашу Землю.

Я открыла косметичку, достала Пьюта, показала ему.

— Это Пьют, — объяснила я. — Выглядит как обычный плюшевый ёжик, но на самом деле он агент Ведьмопола с планеты Попихамбопия. Это от него я получила указку и трансформер, чтобы тоже стать ведьмой.

Юу слушал мои объяснения с очень серьёзным видом.

— Это же круто, Нацуки! То есть ты оберегаешь Землю, чтобы все могли спать спокойно?

— Ну да.

— А эта... *Попохамия*, или как её там... что за планета?

— Попихамбопия... Точно не знаю. Пьют говорит, эта информация засекречена.

— Ну дела...

«Значит, чужая планета ему интересней моего колдовства?» — подумала я. И заглянула в его глаза.

— Ты чего?

— Эм-м-м... Ну, в общем, тогда я тоже признаюсь... Только тебе! Очень похоже на то, что я тоже пришелец.

— Че-го-о?!

Я чуть не подскочила на месте. Но он оставался серьёзен.

— Мицуко часто мне так говорит. Что я пришелец из космоса. Что меня бросили инопланетяне, когда их звездолёт совершил вынужденную посадку. Здесь, в горах Акисины. Где она меня и нашла...

— Ох, ни фига себе!

Мицуко — это мать Юу. Младшая сестра моего папы, то есть моя тётя. Настоящая красавица. Такая же за-

стенчивая и серьёзная, как Юу: никогда не соврёт, даже в шутку.

— А ещё... В ящике моего стола хранится камень. Не помню, чтобы я когда-нибудь его находил. Плоский и чёрный, как смола. И такой гладкий, что аж блестит. Больше никогда в жизни таких не видал! Вот я и думаю... А может, и этот камень — с моей *настоящей* родины?

— Ух ты! Получается, я ведьма, а ты пришелец?

— Ну... У меня всё-таки нет вещественных доказательств, как у тебя.

— А чего доказывать? Всё и так ясно... А может, вы с Пьютом вообще однопланетники? Вот было бы круто! Представляешь, у вас обоих одна родина, Попихамбопия!

От восторга я подалась вперёд.

— Как знать, — кивнул Юу. — Но если так — хотел бы я туда вернуться!

Я чуть не выронила косметичку.

— А? Ты о чём это?

— Каждый раз, приехав сюда на Обон, я украдкой продолжаю поиски того звездолёта. Но никак не найду... А что, если связаться с ними через Пьюта? Может, они всё-таки заберут меня?

При мысли о том, что Юу может исчезнуть, я чуть не заплакала.

— Значит, однажды... ты просто исчезнешь?

— Скорее всего. Да и для Мицуко так будет лучше. Я ведь ей не настоящий сын, раз меня бросили инопланетяне.

Тут я всё-таки разревелась, и он стал гладить меня по спине, пытаясь утешить.